

Путь

Путь

РИЧАРД ПОЛ ЭВАНС

ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Э 14

Richard Paul Evans

THE WALK

Copyright © Richard Paul Evans, 2010

Перевод с английского *И. Иванова*

Разработка серийного оформления *Б. Волкова*

Оформление переплета *В. Безжурного*

Эванс Р.

Э 14 Путь / Ричард Пол Эванс ; [пер. с англ. И. Б. Иванова]. — М. : Эксмо, 2013. — 256 с. — (Сенсация. Fiction).

ISBN 978-5-699-67589-0

После смерти любимой жены, потеряв все, что у него было в жизни, Алан решил начать все сначала и отправился в путь. А что еще мог сделать человек, свободный от привычных обязательств и будничных тревог, лишенный домашних радостей?

Пока он не знает, чем для него обернется это путешествие по безвестным американским городкам: может быть, оно окажется бесполезным или даже опасным, а может, дорога откроет перед ним новые горизонты.

Чтобы узнать все это, нужно сделать первый шаг.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Иванов И., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-67589-0

Выражение признательности

Прежде всего и более всего я хочу поблагодарить своего друга Лоренса Томаса Гэндли, который, сам того не желая, во многом послужил прототипом главного героя. Понимаю, насколько трудно ему было делиться ощущениями от потери своей «Маккейл», и потому я очень тебе признателен, Лоренс.

Благодарю Карен Кристофферсон и ее любимого Эла. Да сохранят эти книги его имя для мира.

Я признателен еще нескольким людям, чьи жизненные линии (с незначительными изменениями) также легли в сюжет этого повествования. Прежде всего — моего друга и бывшего редактора Сидни Майнера. Десять с лишним лет нашей совместной работы доставили мне истинное удовольствие. Желаю тебе всех благ. А с тобой, Аманда, мне хочется двигаться дальше по творческому пути. Спасибо за помощь.

Я говорю искреннее спасибо Джипси да Силва, с улыбкой выдерживавшей мои немислимые графики работы. Спасибо тебе, Лисс — моему другу и адвокату. Я люблю тебя.

Ричард Пол Эванс

Благодарю Лайзу Джонсон, Барри Эванса, Миш Барбоза, Дайану Глэд, Хизер Макуей, Джуди Шиффман, Фрэн Плат, Лайзу Мак-Доналд, Шерри Энгар, Дуга Смита и Барбару Томпсон.

Я признателен своим родным: Кэри, Дженне и Дэвиду Уэлчу, Эллисон-Данике, Эбигейл Маккенна и Майклу. Дженна, благодарю за твою помощь, любовь и проницательность. Теперь готовь к изданию свою книгу!

И, конечно же, я благодарю моих дорогих читателей. Добро пожаловать на мой путь.

Ричард

*Посвящается моему отцу
Дэвиду О. Эвансу*

ПРОЛОГ

«Дорогой Алан!

Ты начинаешь писать историю своего пешего путешествия. Позволь дать тебе совет, содержащийся в словах твоего любимого писателя Льюиса Кэрролла: «Начинай с начала, иди до самого конца и тогда остановись».

Из дневника Алана Кристофферсона

Меня зовут Алан Кристофферсон. Вы меня не знаете. «Еще одна книга на библиотечной полке, неоткрытая и непрочитанная» — как сказал бы мой отец. Вы не знаете, откуда я родом и какие потери мне пришлось пережить. И, что более важно, не представляете, что я приобрел за время своих странствий.

Я не принадлежу к известным или знаменитым личностям. Пустяки. Лучше, когда тебя любит один человек, знающий твою душу, нежели когда тебя любят миллионы, не знающие даже номера твоего телефона. Я любил и был любим; мы любили друг друга настолько глубоко, что, как говорят, о такой любви

Ричард Пол Эванс

можно только мечтать. Наша любовь сделала меня счастливым, но она же потом принесла мне страдания. Жизнь научила меня одной мудрости: чтобы летать, вначале нужно смириться с возможностью упасть.

Кто-то назовет написанное мной историей о любви. Те, кому это чувство не знакомо, сочтут мои записки «литературно обработанными путевыми заметками». Для меня это стало путешествием в поисках собственной души. Я попадал в ситуации, в которых вы, может, усомнитесь. Вероятно, для каких-то уроков, полученных мною, вы пока не готовы. Это не имеет значения. Принимайте и отвергайте то, что сочтете нужным. Только позвольте вас заранее предупредить: не ждите легкого, занимательного чтения. Но история эта достойна того, чтобы ее рассказать. Это история моего пути.

ГЛАВА 1

«Прежде всего, не теряйте желания идти. Я не знаю ни одной тягостной мысли, которую нельзя было бы унести с собой».

С. Кьеркегор

Из дневника Алана Кристофферсона

Есть такая легенда. Она гласит: если только песок Ки-Уэста окажется у вас на подошвах, вы уже не сможете вернуться туда, откуда пришли. Для меня это так. Сейчас я один на пляже, смотрю, как кроваво-красное солнце опускается в Мексиканский залив, словно в крестильную купель. И нет возврата в мир, оставленный мною позади.

Воздух наполнен запахами соленой воды и водорослей, звуками набегающих волн и пронзительными криками чаек. Не сон ли это? Надеюсь, что я по-прежнему нахожусь в Сиэтле и Маккейл осторожно проводит ногтями по моей спине.

— Ты проснулся, любовь моя? — шепотом спрашивает она.

Я поворачиваюсь к ней и отвечаю:

Ричард Пол Эванс

— Ты даже не поверишь, какой сон мне приснился.

Но это не сон. Я прошел всю страну с севера на юг. А женщина, которую любил и люблю, никогда не вернется.

Вода в заливе своей голубизной напоминает жидкость для чистки ветрового стекла. Наступают сумерки. Ветерок обдувает мое небритое, обожженное солнцем лицо. Я закрываю глаза. Я проделал долгий путь, покрыв расстояние почти в три тысячи пятьсот миль. Это если говорить о физически пройденном расстоянии. Но путешествия не всегда измеряются числом пройденных миль, и в определенном смысле я прошел куда больше.

Я скидываю рюкзак, сажусь на песок, развязываю ботинки и стаскиваю носки. Мои некогда новые и белые, а теперь ветхие и серые хлопчатобумажные носки липнут к ступням и сдираются, словно кожа. Потом я встаю на влажный, усеянный ракушками песок и жду прихода очередной волны. Сейчас она накатит и покроет мои ступни. Я провел сотни часов, думая об этом моменте. И теперь он настал. Ветер, вода, прошлое и настоящее, мир, оставленный позади, люди и города, встречавшиеся мне на пути, — все это разворачивается надо мной.

Через несколько минут я вернусь к рюкзаку, сяду, скрестив ноги, и займусь тем, что всегда делал в поворотные моменты своей жизни. Достану ручку, раскрою дневник и начну писать.

Путь

Привычка вести дневник появилась у меня очень давно — задолго до этого дневника и до предпринятого путешествия. В восемь лет мама подарила мне на Рождество первый дневник. Это была небольшая книжка в желтой пластиковой обложке, украшенной тиснением в виде каллиграфических росчерков и завитушек. Но больше всего мне нравился медный замочек, позволявший запирать дневник, и медный ключик. Подарок наполнил меня важностью: значит, в моей жизни есть события, которые мне необходимо скрывать от остального мира. В ту рождественскую ночь я сделал первые записи в своем дневнике. Вдоволь наигрался с замком и ключиком, убедившись, что только я буду читать содержимое дневника. Затем я написал пожелание самому себе. Эту привычку я сохраняю и поныне.

«Дорогой Алан!

Сегодня Рождество. Мне подарили «роботов-боксеров»...¹ портативную рацию на два приемопередатчика и красный леденец в виде рыбы, который я уже съел. Мама вручила мне этот дневник с замком и ключом и сказала, что я должен ежедневно сюда что-нибудь писать. Я попросил ее написать на моей первой странице.

Дорогой сын!

Спасибо за разрешение написать в твоём личном дневнике. Счастливого тебе Рождества! Нынеш-

¹ Электромеханическая игра.

Ричард Пол Эванс

нее Рождество — неповторимое. Позднее ты это поймешь. Как можно чаще перечитывай эти слова и помни, что я тебя люблю и всегда буду любить.

Мама.

Мама говорит, что писать можно о чем угодно, а если ждать каких-то особенных событий, страницы так и останутся пустыми. Особенными события становятся, когда оглядываешься на них. Главное — писать о том, что ты думаешь и чувствуешь. Мама сегодня выглядела лучше. Думаю, скоро она поправится».

Я так часто открывал эту страницу, что сильно затер ее, и записи сделались едва различимыми. Мамина запись как раз и стала одним из событий, важность которого понимаешь, лишь оглядываясь назад. Через сорок девять дней — в День святого Валентина — мама умерла от рака груди.

Это произошло рано утром. Я еще не вставал, чтобы идти в школу. Отец разбудил меня и повел в комнату, где лежала мама. Рядом с ее кроватью, на ночном столике, в узкой вазе стояла желтая роза. К вазе была прислонена моя самодельная «валентинка»: сердце, пронзенное стрелой. Мамино тело осталось, но мамы здесь не было. Сейчас она бы улыбнулась и позвала меня. Она бы наверняка похвалила мой рисунок. Я знал, что мама покинула наш мир.

Своего отца я вполне могу причислить к стойкам. Подобная манера поведения сохранялась у него всегда, и потому ни в тот день, ни в другие мы с ним

Путь

не говорили о смерти матери. Никогда не обсуждали с ним эмоции и вызвавшие их события. В то утро он приготовил мне завтрак, а потом мы сидели за столом и слушали тишину. Приходили и уходили люди; это были сотрудники похоронного бюро. Отец разговаривал с ними ровным, спокойным тоном, отдавал четкие распоряжения и вообще вел себя так, будто готовился не к похоронам жены, а к заключению важной сделки. Нет, ему не было безразлично. Он просто не знал, как выразить свои чувства. Таков мой отец. Он никогда не целовал меня. Такова его манера поведения.

«Причина, по которой мы начинаем дела, редко является причиной их продолжения».

Из дневника Алана Кристофферсона

Я начал вести дневник по настоянию матери. После ее смерти я продолжал туда писать. Мне казалось: если я перестану это делать, то разорвется цепь, связывавшая меня с ней. Постепенно даже это изменилось. Тогда я не понял, однако причина, заставлявшая меня писать, всегда менялась. Становившись старше, я писал, желая тем самым подтвердить свое существование. Пищу — значит существую.

Существую. В каждом из нас есть нечто, стремящееся (себе во благо или во зло) заявить миру о своем существовании. Эта история — мое свидетельство о себе самом и о величайшем путешествии своей жизни. Оно началось, когда я меньше всего этого ожидал. То было время, когда жизнь казалась мне безоблачной и не предвещавшей никаких потрясений.